

Майя Кучерская о современном литературном процессе

С 25 марта по 19 апреля 2013 года состоялся Двенадцатый Московский педагогический марафон учебных предметов. 12 апреля все заседания и мастер-классы были посвящены преподаванию литературы. В этот день к учителям пришли три писателя: А. Варламов, М. Кучерская, Д. Быков.

Впервые Московский педагогический марафон учебных предметов состоялся в 2002 году, его учредителями являются Департамент образования города Москвы, Издательский дом «Первое сентября» и Московский институт открытого образования. В 2004 году на марафоне для учителей именно писателем впервые была прочитана лекция о современной литературе (Татьяна Бек «Современная литература и проблемы её интерпретации в школе»). Примерно раз в два года разные писатели в живой беседе представляют своё видение современной литературы. Так, в 2006 году А. Варламов размышлял на тему «Русская литература XXI века: движения и перспективы». В последующие годы приходили поэт Александр Кушнер, Наталья Дмитриевна Солженицына, критик и литературовед Людмила Сараскина. Но никогда раньше не было сразу трёх писателей. В этом году к учителям пришли Алексей Варламов («Михаил Булгаков — бег от судьбы»), Майя Кучерская («Современный литературный процесс: действующие силы и механизмы») и Дмитрий Быков («Четыре стихии “Войны и мира”»).

Представляем вашему вниманию выдержки из лекции Майи Кучерской.

«Мне хочется под предлогом обозначенной темы рассказать и о литературе 10-х годов XXI века. Что собственно определяет ту шкалу ценностей, которой мы пользуемся? Почему одни писатели на виду, на слуху, а другие нет? Справедливо ли это с точки зрения каких-то – например, эстетических – критериев? Какие силы кого-то выбрасывают на поверхность, а кого-то оставляют глубоко внизу? Всем заранее ясно, что это не обязательно исключительно литературный талант, хотя без него тоже невозможно оказаться на поверхности. Так что же определяет

Ил. 1. М. Кучерская читает лекцию на педмарафоне.

направление этого бурного потока, который можно назвать современным литературным процессом? Есть ли те силы, которые как-то его сегментируют, меняют его траекторию? На эти вопросы я и попытаюсь сегодня ответить.

Мы с лёгкостью можем сказать, какие силы влияли на литературный процесс в прошлом. Одной из таких сил, которая устанавливала шкалу ценностей, была литературная критика. Она существовала, конечно, задолго до XIX века, но в XIX веке были канонизированы некоторые её особенности, во многом заданные Белинским. Критик и фигура критика благодаря таким талантливым и убедительным выступлениям Белинского в печати стали оказывать серьёзное влияние на литературный процесс, литературную иерархию. Критик расставлял оценки, и ему верили, ему доверяли и разделяли его взгляды. Но одним из свойств этой критики имени Белинского была её заведомая тенденциозность. Идеологическая критика довольно быстро стала подминать под себя эстетическую. Сейчас мы не будем это развивать, просто отметим. Кроме того, критика освоила жанр рецензии, развернутой и краткой, а также жанр проблемной, аналитической статьи, вроде знаменитых больших годовых обзоров В.Г. Белинского («Русская литература в 1840 году», «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и пр.). И еще у критики было понятное место прописки – существовала она преимущественно в журналах. А где ещё могло уместиться пространное высказывание на 30-40 страниц?

В XX веке ситуация несколько изменилась, потому что задачи критики стали другими. В статье «Нужна критика» (1924 г.) Б.М. Эйхенбаум писал: «Критики у нас сейчас нет, но я верю, что она скоро будет. Она должна быть. Совершенно ясно: публика перестала верить в русскую литературу. И это к ней не вернётся до тех пор, пока не появится новая критика. Одним прошлым не проживёшь. Мы вернулись к тому положению литературы, которое было в конце 20-х гг. прошлого века, когда Пушкин писал: «Литература у нас кой-какая есть, а критики нет». Критика нужна сейчас не только читателю, но и писателю. Критик не учитель, критик – историк, смотрящий из актуальности на процесс и распознающий то, что образуется на его глазах. Нужны авторитетные профессионалы». Итак, Белинский, Добролюбов, Чернышевский ощущали себя учителями. Эйхенбаум меняет парадигму и говорит о том, что критик это не учитель, критик – историк, филолог. Далее он замечает, что критика смотрит на литературу из актуальности. У критики должно быть место, где она существует, где она звучит. И конечно, это место – журнал. Вскоре эти журналы, новые, «толстые» журналы стали появляться в Советской России. И оказались довольно стойкими, живучими. Журналы с такими «контекстными» названиями – «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», – созданные в 1920-е годы, существуют и по сей день. Так что и в первой и во второй половине XX века

критике было, где существовать. Критика активно развивалась не только в эпоху оттепели, но и в годы брежневского застоя, взяв на себя бремя говорить обо всем том, о чем молчали философы, политологи и т. д. Говорить «эзоповым языком». Толстые журналы и «Литературная газета» могли позволить себе публиковать пространные высказывания. Владимир Лакшин, Игорь Виноградов, Бенедикт Сарнов, Станислав Рассадин, Лев Аннинский, Игорь Золотусский, Алла Латынина, Ирина Роднянская, Сергей Чупринин, Наталья Иванова, относящийся не по годам, но по месту и весу к этой плеяде Андрей Немзер. Их выступления, начиная с 50-х – 60-х и до конца 80-х гг., были неизменно резонансными, неизменно обсуждаемыми. «Вы читали последнюю статью Роднянской?» – это можно было услышать далеко не только в литературных кругах. Потому что толстые журналы читали все. «Новый мир» читали, «Знамя» читали, «Литературную газету» читали. Сейчас эта фраза прозвучит дико, странно, потому что критику в «толстых» журналах читают совсем уж узкие специалисты. Критики как действующего института, который определяет шкалу ценностей сегодняшнего читателя, в прежнем виде не существует. Это не значит, что совсем нет молодых критиков (тех, кому сегодня 30–40 лет), они есть, и все-таки критиков в классическом понимании практически нет. Влияние критики уменьшилось, и не в последнюю очередь потому, что те места, где критике было органично существовать – «толстые» журналы, – перестали издаваться такими тиражами, как издавались раньше, они перестали читаться таким широким кругом, как читались раньше, и собственно те, кто вчера стал бы критиком, сегодня оказались авторами ежедневных газет, «тонких» глянцевого журналов: Лиза Новикова («Известия»), Анна Наринская («Коммерсантъ»), Галина Юзефович («Итоги»), Лев Данилкин («Афиша»). Объем рецензий в этих изданиях три, четыре тысячи знаков. Тут годовой обзор, развёрнутый, неторопливый, с тщательным анализом тенденций, дать просто негде. Более того, похоже, что и у читателей давно отпала потребность в таких разборах, таким образом подлинная критика, анализирующая процесс, оказывается сегодня не востребованной. В отличие от рецензирования. Вот оно ещё осталось.

Незаметно все те, кого я назвала, из критиков, аналитиков, то есть тех, кто определяет, составляет шкалу ценностей, превратились в рецензентов, тех, кто реагирует на конкретные издания, на конкретные книги и как-то высказывается о них, причём не думая о том, как эта книга выглядит в общем контексте – некогда и негде думать! Наследники большой критики XIX и XX веков обречены на камерное существование. Это существование для самих себя и самого близкого круга заинтересованных лиц. И всё-таки, когда мы приходим на Тверскую в магазин «Москва», мы видим такие наклейки на книгах: «Журнал “Афиша” советует», «Газета “Коммерсантъ” советует», то есть это

значит, что тот, кто работает в журнале «Афиша» или газете «Коммерсантъ» действительно упомянул эту книгу, причем необязательно хвалебно, и магазин пытается это использовать. По-видимому, это означает, что некоторое влияние сегодняшние литературные рецензенты все же оказывают – но не на литературный процесс, не на место воспетого автора в истории литературы, нет, скорее, на приобретение книг. Один из самых, по-моему, выразительных примеров последних лет – это высказывание Григория Ревзина об «Учебнике рисования» Максима Кантора. Вышел толстый роман, обречённый на

провал, потому что два толстых тома неизвестного автора (в литературе Кантор тогда был дебютантом) прочитать, казалось бы, невозможно, но Григорий Ревзин – авторитетный архитектурный критик, вынес свой приговор: «Написан ещё один великий русский роман». После этого продажи «Учебника рисования» резко возросли, таким образом, некоторое точечное влияние критики на популярность сегодняшних авторов возможно, но это не система, а исключение из правила.

Ещё одна сила, которая всегда действовала в XIX и XX вв., – это литературная среда. В России она всегда была сложно устроена: были разные направления, часто находящиеся в конфликтных отношениях друг по отношению к другу, существовали салоны, кружки. Герцен писал: «В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у Елагиной». Салон существовал как форма литературной жизни, где обсуждались последние произведения участников и гостей, где регулярно устраивались литературные чтения. В салоне Ростопчиной, например, бывали Гоголь, Тютчев, Загоскин, Григорович, Писемский. Салон её просуществовал долго, поэтому представители разных поколений и воззрений там смог встретиться. Салоны влияли на литературу, потому что там выносились оценки, потому что там обсуждалось только свежее, только актуальное из написанного. То есть как-то выпекалось общественное мнение. Таким образом, автор слышал ценные суждения о только что вышедшем из-под его пера.

Это вполне естественная форма существования литературы, эти литературные собрания не исчезли и после революции. Если мы взглянем на 20-е годы XX века, то обнаружим необычайное цветение самых разных литературных групп, причём не только поддерживавших пролетарское левое искусство, но и тех, у кого не было никаких идеологических задач, а были только эстетические. Естественно, партии и правительству понравиться это разнообразие не могло, поэтому в 1932 году это цветение мгновенно

было сметено знаменитым постановлением ЦК ВКП (б), которое предлагало объединить всех писателей, стоящих за политику советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нём. В 1934 г. был создан Союз писателей СССР, постепенно было нивелировано и вычищено всё, что не совпадало с генеральной линией партии.

Каковы итоги всего этого? Значит ли это, что салонные кружки, обсуждения в кулуарах, в пространстве дома совершенно исчезли? Нет, нет, кое-что осталось. Институцией, которая взяла на себя этот груз обсуждения литературы в неофициальном формате, и стали «толстые» журналы, потому что они ещё держали планку, во-первых, публиковали большие критические статьи, а во-вторых, публиковали хорошую прозу. Примеры нам всем известны. В-третьих, редакция журнала превращалась в нечто подобное прежним салонам. Заставшие то время сотрудники «толстых» журналов ностальгически вспоминают, как в редакцию приходили авторы, писатели, поэты и общались, обсуждали последние события литературные, спорили. То, что не попадало на страницы журнала (все они были подцензурными), обсуждалось на этих спонтанных встречах. Автор всегда мог запросто зайти в журнал, в редакцию, выпить чайку с редколлегией, поговорить. Строго говоря, это совсем не походило на салоны и кружки, но это было некоторое наследование той традиции.

Ил. 3.

С наступлением перестройки журналы (после бума публикаций так называемой возвращённой эмигрантской литературы, после миллионных тиражей) утратили своё влияние. Сегодня средний тираж «Нового мира», «Знамени», «Октября» около 5 000 экземпляров, количество читателей уменьшается, и сами сотрудники журналов это прекрасно понимают. Главный редактор «Знамени» критик Сергей Чупринин в одной из статей пишет: «мы ещё пока живём, но теряем звёзд, публиковаться в толстом журнале перестало быть модным. Виктор Пелевин начинал с публикации в журнале «Знамя» и давным-давно забыл о своей малой родине». То же самое можно сказать и о Людмиле Улицкой, о Захаре Прилепине и о многих других, тех, кто когда-то считал для себя правильным путь через журнал, а после журнала печатал книгу, теперь считает этот путь необязательным, потому что ничтожно количество читателей журналов и ничтожно влияние толстых журналов.

Современные студенты гуманитарных специальностей слышали о Твардовском, слышали, что Солженицын публиковался в «Новом мире», но то, что «Новый мир» до сих пор выходит, – для многих открытие, я не раз видела удивление на лицах своих студентов по этому поводу. Так говорят о старичках, к которым равнодушны – надо же, он еще жив! Не существует «толстых» журналов для молодых читателей. Это звучит невероятно жёстко, печально, но это правда. Несмотря на это, «толстые» журналы продолжают, на мой взгляд, сохранять высокий профессионализм. В них по-прежнему замечательная редакция, многие публикации – образцовы. Но вместе с этим качеством прозы, публицистики, критики соединилось полное бессилие и отсутствие всякого влияния на литературный процесс. Это существование опять-таки для очень узкого круга своих бывших поклонников. И это понятно и объяснимо.

Примерно одновременно с тем, когда журналы исчезли в качестве влияющих на движение литературного процесса институций, стало исчезать и понятие литературной среды. Сегодня её нет. Вот сейчас я на секундочку перейду в другую комнату, где я писатель, и могу совершенно уверенно сказать, что наши писатели друг с другом не дружат. Если случилось так, что они живут на одной лестничной площадке, если какие-то обстоятельства их друг с другом столкнули (они поехали на один фестиваль, на ярмарку), тогда они мило пообщаются, и драться, скорее всего, не будут. Но существования современных писателей в среде нет. Некая искра, кажется, тлеет в узком кругу «молодых рассерженных», как их кто-то шутливо назвал – Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Роман Сенчин несколько лет друг друга очень поддерживали, но, кажется, и это распадается. Мы видим писателей абсолютно разобщённых, относящихся друг к другу иногда даже с уважением, но не желающих иметь друг с другом ничего общего. Единственное исключение из этого взаимного равнодушия приходится на прошлый год, когда состоялась писательская прогулка по Москве, и либеральное крыло писателей собралось и молчаливо прошло по бульвару. Это было тихо, сквозь зубы произнесённое «нет». Но это была естественно политическая акция, не связанная с жизнью литературной. Это всё, больше ничего.

По-моему, два замечательных измерителя того, что сегодня с писателями происходит и как они себя ощущают по отношению друг к другу, случилось совсем недавно. Первое – это открытое письмо в Агентство по печати Михаила Шишкина о том, что он отказывается участвовать в Нью-Йоркской ярмарке и больше не хочет представлять «страну, где власть захватил криминальный коррупционный режим, где государство является воровской пирамидой, где выборы превратили в фарс, где суды служат начальству, а не закону, где есть политические заключённые, где гостВ

превращено в проститутку, где самозванцы пачками принимают безумные законы, возвращая всех в Средневековье, такая страна не может быть моей Россией. Я не могу и не хочу участвовать в официальной российской делегации, представляя такую Россию». Отказ Михаила Шишкина от участия в ярмарке недели на две стало одной из самых обсуждаемых новостей.

Как отреагировали братья Шишкина по цеху, писатели? Борис Акунин его поддержал. И все. Остальные, даже самые либеральные, самые протестнонастроенные, безусловно, разделяющие политические взгляды Шишкина, страшно обиделись. Потому что им показалось, что выглядит это так: Шишкин в белом, а мы – нет. Вот он больше не будет ездить на ярмарку, а если мы будем, значит, мы хуже. В самой мягкой форме эта позиция была высказана в стихотворении Дмитрия Быкова: «... Теперь для потомства, чей близится суд, он будет безгрешнее Папы, а мы, кто остался при Путине тут, выходит, конечно, сатрапы. Историки, нас извлекая из тьмы, решат в замешательстве тихом, что Шишкин с режимом боролся — а мы глотали икру по Барвихам...» За остроумием Дмитрий Львович (проявлявший бесстрашие уж никак не меньшее, чем Михаил Павлович, и проявлявший его здесь, в России) тем не менее не может скрыть понятной обиды, и, повторяю, что это самое мягкое высказывание на тему, были гораздо более жёсткие: «Как он смеет из своей Швейцарии нам указывать!» Между тем он никому ничего не указывал, он высказал свою точку зрения. Раньше он ездил, теперь не хочет. Имеет право. Он свободный человек. И так, никакого единения не произошло, наоборот, даже те, кто разделяет взгляды Шишкина, были возмущены, и это снова подчеркнуло предельную разобщенность даже единомышленников.

*Ил. 4. Михаил Павлович Шишкин
(р. 18.01.1961)*

**ТОТ АЛЬНЫЙ
ДИКТАНТ**

Ил. 5.

Не говоря уж о другом, совсем недавнем случае с Диной Рубиной. Буквально вчера было опубликовано письмо, подписанное, правда, не конкретными людьми, а Союзом писателей России, которые радостно поддерживают губернатора Ульяновской области Сергея Морозова, потому что тоже считают, что Дина Рубина не должна была сочинять текст для тотального диктанта. «Зачем в страну Валентина Распутина, Виктора Лихоносова, <...> Владимира Личутина и Владимира Кострова звать на диктант по русскому языку писательницу, родившуюся в Средней Азии и живущую в Израиле...» Я не буду больше зачитывать то,

что мне кажется абсолютно возмутительным ещё и из-за анонимности, но это, конечно, крайность. И снова писатели не объединились, не сделали даже попыток вместе вступить за оскорбленную честь коллеги, сказать: «Не смейте! У Дины Рубиной здесь, в России, огромный тираж. Она русский писатель. Какое вам дело до того, где она живёт?» Ничего подобного не произошло, наоборот, многие скорее разделяют эту точку зрения, абсолютно скандальную. Такова литературная среда сегодня.

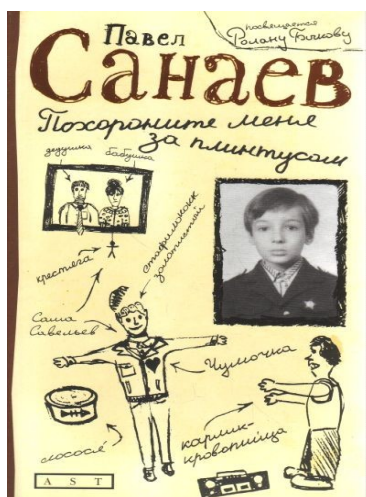
Получается, что не критика, не среда – нет, сила, которая выбрасывает на поверхность авторов, – это книжный рынок, это его законы. Эти законы просты: купят книгу – значит хорошо, значит, её и будем издавать; не купят – значит, не будем. Поэтому естественно, что процвели авторы массового жанра, их имена знает страна. Но вместе с тем занятно, что сопоставимые тиражи, например, и у Людмилы Улицкой. Она явно не в этом секторе. Но поскольку она давно в литературе и поскольку пишет доступно, ясно, то её тиражи тоже полутысячные, т. е. огромные. Очень успешен и Захар Прилепин, его совокупный тираж приближается к миллиону. Тоже приятный знак того, что книжный рынок всё-таки готов иногда поощрять и писателей, создающих «высокую» литературу.

Итак, критики нет, литературной среды нет, толстых журналов как активно действующей институции нет. Есть рынок. И есть еще одна институция, которая имеет дело с «высокой» литературой и какую-то адекватную шкалу ценностей выстраивает. Это литературные премии.

Сегодня на плечи премий лёг весь тот груз, который раньше распределялся между разными носителями. Премий, по счастью, много, каждая работает в своей нише, хотя неизбежны пересечения. На мой взгляд, премии «Букер» и «Большая книга» всегда могут быть для нас ориентиром, несмотря на то, что и там совершаются ошибки, и там случаются невероятные и необъяснимые странности. Но в целом те, кто получает эти премии, – это авторы, которых стоит читать. И если кто-то задаётся вопросом, что почитать из современной словесности, то ответ вон он: надо заглянуть в короткие списки этих премий. Не ограничиться лауреатами – их выбор – часто случайность, это часто плод компромисса. А вот шесть кандидатов короткого списка – это, действительно, то, что в этом году было самого интересного. Премия «Нос» – тоже очень достойная, но чуть другая. Она поощряет скорее эксперимент в литературе, литературный поиск, но если вас это интересует, если вам хочется разобраться в модернистских направлениях, значит, надо смотреть на финалистов премии «Нос». Писателей до 35 лет поощряет премия «Дебют», здесь тоже часто появляются вполне достойные имена. Существует и другая премия, «Премия Белкина», кстати, у нее есть и «учительский проект», не пропустите. Это камерная и, по-моему, очень симпатичная премия за повести. Она родилась как раз в

пространстве «толстых» журналов, естественно, потому что повести публикуются в «толстых» журналах. И, как правило, это очень качественные произведения.

Конечно, хорошо, что хоть премии у нас работают, и все же эта ситуация не слишком нормальна – все-таки премии не должны выполнять работу за всех. И самое печальное здесь, на мой взгляд, – это лакуны в области критики: без экспертного мнения, которому доверяют читатели, литературный процесс существовать нормально, здраво не может.

Ил. 6.

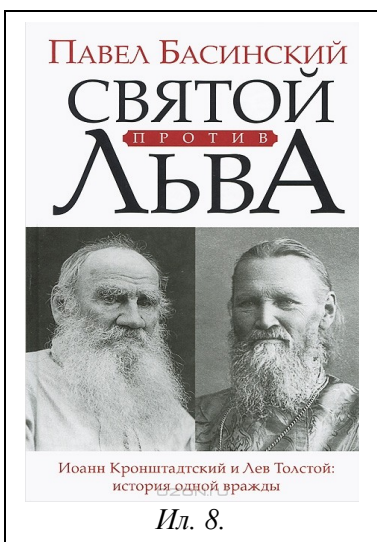
И вот на этом безрыбье сформировалась ещё одна подпорка для читателей – «сарафанное радио». Оно всегда существует: вот я прочитала книжечку и рассказала другому, другой рассказал третьему. И вдруг все читают эту книжку. Я лично, как писатель, убеждалась в силе «сарафанного радио». Сейчас я называю книжку, которая имела феноменальный успех, хотя критика на неё никак не откликнулась, она никак не рекламировалась. Эта книжка прославилась тем, что она несколько лет (около шести лет, огромный срок для книжки, существующей обычно полгода) была в топах книжных магазинов. Никаких рекламных инструментов не было применено, кроме «сарафанного радио», которое, собственно, и составило её успех. Это «Похороните меня за плинтусом» Павла Санаева. То же самое с Евгением Водолазкиным. Один из лучших романов последнего времени «Лавр», сначала как-то тоже никто о нём не слышал, не знал, не очень покупал, а вот сейчас очень хорошо покупается, обсуждается, не в последнюю очередь благодаря «сарафанному радио», хотя здесь всё-таки постарались и профессионалы: довольно много положительных рецензий вышло на «Лавр».

Замечу, что именно «сарафанное радио», как мне кажется, определило и популярность нон-фикшн. Никто специально книги научпопа, биографии, мемуары не продвигал, премий специальных для них не существует, кроме «Просветителя» и изредка «Большой книги», которая тоже может поощрить книгу, написанную в жанре нон-фикшн. Но, тем не менее, его любят, читают. Горячо

рекомендую недавно вышедшую книгу Павла Басинского «Святой против Льва» о противостоянии Льва Николаевича Толстого и отца Иоанна Кронштадтского. Предыдущая книга Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» рассказывает о причинах

Ил. 7.

ухода Толстого из Ясной Поляны, рассказывает очень демократично, а вместе с тем очень грамотно. Новая книга посвящена совсем другой теме – и опять же в ней звучит взвешенность, трезвость и какое-то особое обаяние интонации, неторопливой, спокойной.

Итак, благодаря, во-первых, собственному литературному таланту, во-вторых, этим двум силам: премиям и «сарафанному радио», в меньшей степени рецензированию – перед нами обитатели литературного Олимпа: Михаил Шишкин, Людмила Улицкая, Владимир

Маканин, Олег Зайончковский («Сергеев и городок» – замечательный сборник рассказов о подмосковном городе и его обитателях, такая мягкая, добрая, но формально совершенная проза), Ольга Славникова, Дмитрий Быков, Людмила Петрушевская, Захар Прилепин, Андрей Дмитриев, Александр Терехов (его роман «Немцы» многим пришёлся по вкусу, потому что он описывает очень узнаваемую ситуацию, которая создалась везде в России, а не только в Москве), Александр Иличевский, по крайней мере один роман которого, «Матисс», прочитать точно стоит. Вот наши герои. Каждый из них достоин прочтения. Взглянув на эти имена, можно отталкиваться в своих маршрутах по чтению современной литературы и двигаться по литературному потоку, который у нас все-таки существует и даже бурлит».

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.litres.ru/intervju/mayya-kucherskaya/> (дата обращения: 15.06.2013).

Ил. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://marathon.1september.ru/2013-04-12-1145461#section-11> (дата обращения: 15.06.2013).

Ил. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://knigozavr.ru/2011/09/12/aleksandr-ermak-staryj-mir-flagshatok-ix-sovremennik/> (дата обращения: 15.06.2013).

Ил. 4. Михаил Павлович Шишкин (р. 18.01.1961) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kircbs.ru/page.php?page_id=362 (дата обращения: 15.06.2013).

Ил. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://totaldict.ru/> (дата обращения: 15.06.2013).

Источник: *Культура в современном мире. — 2013. — № 2. — [Электронный ресурс]. —*
Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>